

Валентина Панина:

МЕНЯ ВОСПИТАЛА СИСТЕМА

Если вы попытаетесь вспомнить актрису Валентину Панину на киноэкране, то придется изрядно напрячься. Ее снимают редко. Если задуматься о театральных ролях, то мысль снова лихорадочно заработает: Пушкинский театр... Ленком... Какой-то громкий скандал... Театр имени Комиссаржевской...

Судьба заслуженной артистки РСФСР Валентины Паниной очень любопытна и сама по себе, потому что принадлежит женщине талантливой, яркой и — редкое у нас явление — безусловно красивой. А еще потому, что по ней, словно каток, проехалось наше неласковое к людям время. Надеюсь, не переломило, не согнуло до конца...

А начало было многообещающим! В Щепкинском училище при Малом театре на курсе В. И. Коршунова переиграла множество — и каких разных — ролей: от служанки во французском водевиле до горьковской Ниловны. И ей предложили остаться в Малом театре. Одной с курса. Тогда же нашу героиню пригласили в бывший Александринский, ныне — Пушкинский драматический театр...

— Валентина Викторовна, как вы рискнули поехать в незнакомый город?

— К Ленинграду у меня всегда было особое отношение. Меня поражала атмосфера города, которую я воспринимала как особую ауру человеческих трагедий героев Гоголя и Достоевского. Город этот обладает огромной скрытой внутренней энергией. И вот — приглашение работать. В училище говорили: «Оставайся, у тебя такая трудная индивидуальность: внешне — героиня, внутренне — характерная, комедийная... Тебя ведь там никто не знает». Но звали ведь не просто в Ленинград — в знаменитый Пушкинский театр! Только что ушел из жизни Черкасов. Но оставались Борисов, Меркурьев, Симонов, Толубеев. Трое моих сокурсников сразу стали работать, а для меня применения не находилось. Завлит Вера Викторовна Иванова, которая и была одним из инициаторов моего приглашения в театр, говорила, утешая: «Валя, ну ты понимаешь, ты играла бы Наталью Пушкину, но у тебя такие пухлые щеки...». А потом что-то переломилось — пошли одна роль за другой: «Горячее сердце» Островского, «Много шума из ничего» Шекспира... И режиссеры меня «увидели». Пик — «Элегия» Павловского и любимая мною роль Марии Гавриловны Савиной...

— Вы больше десяти лет проработали в Пушкинском театре. Вам никогда не казалось, что он чересчур далек от жизни? Что по сравнению с другими слишком консервативен?

— Вы знаете, нет! Я все стала понимать гораздо позднее, чем многие другие. Конечно, я обвиняю себя в слепоте, но тут сработала крепкая система воспитания и образования, в которой я выросла. Да и не одна я... Я была так воспитана системой, что идеально в нее вписывалась. В театре жила одной работой. Была искренне благодарна тому, что взяли в театр, дали роль... А если не дали — то, значит, не достойна...

— А с Горбачевым хоть в одном спектакле вместе играли?

— Мы встретились на втором премьерном спектакле

«Много шума из ничего», где я заменила сорвавшую голос Нину Николаевну Ургант — Беатриче. Мне позвонил директор и спросил: «Сыграешь?». А на репетициях я сидела, потому что была назначена на эту роль, хотя и понимала, что при таком раскладе я скорей всего не выйду на сцену. Первый акт знала, второй — нет. Но я согласилась. После спектакля по заведенной традиции за кулисы пришли критики. Один из них и сказал Горбачеву: «Игорь Олегович, у этой Беатриче — умное сердце». А ему сделал пару замечаний. На следующий день меня вызвали в режиссерское управление: «Вы с Игорем Олеговичем, к сожалению, не смотрите...». Эту роль я играла после с Мартоном. Ни в каких заговорах против Горбачева не состояла. Опять-таки меня с детства учили: есть у тебя дело — ты его и делай... Я, к сожалению, не бунтарка и не диссидентка.

— Почему же вы ушли из Пушкинского?

— Я встретила с Геннадием Егоровым, который ставил у нас Мольера. У меня в театре был простой. Мы с ним сделали «Ужасных родителей». Кокто в Театре эстрады, еще два спектакля. Работа была безумно интересной. Когда его назначили в Ленком главным, то он меня пригласил в труппу. Для меня самой решение было неожиданным.

— Конфликт, возникший в Ленкоме, завершился лишь с уходом главного режиссера Геннадия Егорова. Хотелось бы понять вашу позицию: ведь вы были — одновременно — актрисой, которую при-

гласил Егоров, секретарем парторганизации театра и членом бюро СТД.

— Я думаю, что человек проверяется властью. Власть над театром — это не то же, что власть над спектаклем. Он проверки не выдержал. Когда я шла в театр, мне казалось, что он будет приглашать разных актеров, даст возможность экспериментировать. Особенно меня подкупала его любовь к матери, жене, детям. После «Процесса» мы его, действительно, обожали. Но потом выяснилось, что людей он не уважает... Мне в этой ситуации было очень трудно, потому что я — не лидер по натуре. А будучи на месте лидера, безуспешно пыталась им стать. Я сломалась, когда стала заниматься общественной деятельностью, а мне это противопоказано. После ухода Романа Громадского меня сделали партгором, и я по-человечески хотела кризисную ситуацию понять и разрешить. А была — козырем в игре Егорова. Надо было из этой игры выходить.

— Вы ушли из Ленкома в никуда?

— Нет. В СТД я поплакала Рубену Сергеевну Агамирзяну. И он сказал: «Приходи!». Я ему очень благодарна — ведь труппа в Комиссаржевке укомплектована. Для меня работа здесь — санаторий. Я занята в четырех спектаклях.

— Вы член КПСС с 1975 года. Как вы вступали в партию — тоже стереотип сработал?

— Пятнадцать лет назад средний возраст коммуниста в Пушкинском театре составлял 64 года... А я была секретарем комсомольской организации. Парторг Галина Тимофеевна Карелина меня в уголке тихо спросила: «А почему вы не?..» — «Я не созрела...», — пролепетала я. «Если вы не вступаете, то объясните, почему, а если вступаете — пишите заявление!». Попробуй тут пошутить! И написала. Сегодня для себя я все уже решила. Конечно, надо выходить. КПСС должна отмереть не как партия, а как давящее на человека громадьё... Думаю, я найду в себе силы уйти. В театрах вообще не должно быть парторганизаций.

— Вы, как мне кажется, актриса нерезализованных возможностей. Вы это знаете и чувствуете. Пытались ли вы бороться с судьбой?

— Я все время пыталась что-то делать. Уходила не раз и в самостоятельную работу, и в студийное движение. При Фонде возрождения Ленинграда образовалось некое отпочкование. Режиссер Олег Овечкин взял пьесу Сквирского, который в свое время писал про кулинарный техникум, делал миниатюры для Райкина. Собрались актеры из разных театров. В сентябре — премьера.

***

...Валентина Панина, по-моему, не сыграла еще своей роли.

Валентина Панина на редкость самокритична. Если она и винит кого-то, то только себя.

Валентина Панина умеет ждать. Пожелаем же ей удачи.

Беседу вела

Светлана МЕЛЬНИКОВА

На снимке: заслуженная артистка РСФСР Валентина Панина.

Фото А. ДЕМЬЯНЧУКА

Вен. Ленинград - 1990 - 20 сент.